

КТО КОГО АССИМИЛИРОВАЛ?

Известный писатель и журналист Исраэль Шамир, советский еврей, живущий в Израиле, уже давно и довольно часто выступает в нашей оппозиционной печати с интересными публикациями, в которых многое нельзя не приветствовать, но кое-что весьма озадачивает. Такова, например, его статья «Пока горел Ирак» в «Завтра», № 22. В ней автор решительно и смело обличает сионистов не только своего Израиля, но и «сионистов из Пентагона», называя их по именам: Перл, Волфовитц, Фейт и другие. Он констатирует: «Евреи стали основным элементом американской элиты, заняли командные высоты в идеологическом аппарате — в СМИ и университетах...» Подкрепляет это их же словами: «Еврейский обозреватель Филипп Вайс восторженно пишет в «Нью-Йорк обсервер»: «Мы изменили Америку, мы сделали ее такой, какой она стала»».

Да, именно так: «сейчас впервые в Америке евреи оказались у власти». Автор мог бы добавить, «как и в России». Вместо этого, обращаясь к «читателям сайта 7.40», т.е. к русским евреям, автор предупреждает их: «Американским евреям и израильскому руководству нужна поддержка на местах, в частности, в России. Поэтому они несомненно постараются повлиять на вас, а через вас — на других россиян... Они хотят превратить вас в пятую колонну израильско-американского империализма». Предупреждение правильное, но, увы, запоздавшее.

И. Шамир с негодованием рассказывает, как недавно в израильской газете «Гаарец» «ведущие еврейские идеологи Америки, так называемый «круг Волфовитца», т.е. 25—30 еврейских интеллектуалов с гордостью признались, что это они привели Америку к вторжению в Ирак и готовят вторже-

ние в Иран, Сирию, Саудовскую Аравию... А следующим шагом, по их мнению, должна быть война с Китаем. В промежутке — окончательное покорение России». И уже от себя автор прямо заявляет: «Войну в Ираке затеяли американские еврейсионисты; они сочли, что после войны Израиль станет могущественной державой, восстановив легендарную империю Соломона».

Вспоминая недавнее прошлое, Шамир отмечает, что ведь нам «говорили о Хазарии, о еврейских советниках во франкистской Испании, о еврейских чекистах, но мы отмахивались от «антисемитских» речей. А напрасно!». И объясняет, почему напрасно. А потому, что «еврейский народ традиционно играл роль компрадоров». И не зря прозорливые люди предсказывали: «Евреи у власти неизбежно ведут к жестокому рабству, массовым убийствам, завоевательным войнам, социальному расслоению».

Автор не останавливается и перед тем, чтобы сказать: «А что думают в Израиле? В Израиле думают редко. У нас нет ни мыслителей, ни стратегов, ни крупных государственных деятелей. Государственное устройство просто: страной правят генералы, а к власти приходит генерал, получивший больше денег от американских евреев. Нет в Израиле интеллектуальных сил, способных управлять Ближним Востоком («империей Соломона»). Страна находится в кошмарном положении, а экономика — в состоянии свободного падения». Думается, все это автор писал со знанием дела.

Но тут же мы видим и немалые странности. С одной стороны, автор признает, что население Израиля это «послушно-агрессивное большинство», с другой стороны, указывает на такую возможность: «Мы (евреи) не обязаны быть «евреями», — т.е., как я понимаю, принадлежать к «послушно-агрессивному большинству». Тут Шамир почему-то ссылается на пример Пушкина, который-де был «на четверть эфиопом», но стал же не эфиопом, а великим русским поэтом. Ну, положим не на четверть, а лишь на 1/8, но действительно принадлежал к абсолютному миролюбивому большинству русского

народа, более того, был и остался самым полным выражением его духовной сути. Хотя порой и любил посудачить о своем происхождении и однажды довел себя такими разговорчиками до такого экстаза, что у него вырвалось: я, мол,

Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте...

То-то дикая простота была в Царскосельском лицее...

Заявив сперва о возможности, о желании не быть «евреями», Шамир дальше говорит об этом уже как о данности, живой реальности: «Мы перестали быть евреями». Это почему же? И кто именно? А потому, что «еврейская культура давно утеряна, равно как и язык, и кухня. Говорящих на идиш, поедających фаршированную щуку религиозных евреев не так много, а евреев по культуре и того меньше». Ну, это все ему виднее. Допустим, еврейская культура действительно «утеряна», но зато в России обретен Жириновский, вопящий и в Госдуме и по телевидению: «Евреи — самый талантливый народ в мире!» Поверим, что фаршированная щука уже почти исчезла из рациона евреев, но появился Немцов, призывающий ликвидировать коммунистов, среди которых 85% — русские. Пусть на идиш уже мало кто говорит, но есть Жванецкий, которому лучше бы говорить именно и только на идиш.

И потом, мы ведь тут же читаем: «Основа еврейства — это пропасть между евреем и гоём. Традиционный еврей воспитывался в духе ненависти к нееврею, о чем писал и Спиноза, и другие вырвавшиеся из еврейства отступники». Так вот, не являются ли названные товарищи традиционными евреями? Во всяком случае, между мной, например, и этими тремя — пропасть.

Дальше мы узнаем, что по «еврейскому закону» еврею запрещалось «делать подарки гою, есть с ним за одним столом, запрещалось даже спасать гибнущего гою». И вот все это ушло в прошлое? Да! Да! Да! «Наши деды ушли из этого мира, и нам туда возвращаться не с руки». Прекрасно! Только не совсем

понятно, от лица кого говорит Израэль — всех евреев мира, или только израильских, или русских.

И тут Шамир для подтверждения этой благодати дает два примера. Несколько лет назад в Китае американцы искали евреев, чтобы создать из них пятую колонну. Нашли какой-то город, где в XVIII веке была еврейская община. Но получили там ответ: «Да, наши деды были евреями, но мы — китайцы!»

Автор уверяет: «Нечто похожее произошло и в России, хотя мы не всегда отдаем себе в этом отчет». И приводит второй пример: «Русские евреи в Израиле по-прежнему едят гречневую кашу, пьют водку, поют русские песни, а по воскресеньям украдкой ходят в православную церковь... Пора признать: русские победили: им удалось ассимилировать русских евреев».

Тут — большое недоумение. Во-первых, один пример китайский, другой — израильский. При чем же здесь Россия и русские евреи? В Китае реформы проводили китайцы под руководством китайцев, а в России — евреи за спиной русских. Во-вторых, напомним еще раз, ведь автор говорил, что основа еврейства — пропасть между евреем и неевреем. Не та пропасть, на одном краю которой едят гречневую кашу, а на другом — фаршированную фиш, а та, над которой витает «дух еврейской ненависти» к гоям и где даже полуевреев «не венчают, не берут на работу и хоронят за забором кладбища». Именно так, сообщает автор, обстоит дело в нынешнем Израиле. Где же в таком случае евреи перестали быть евреями?

В-третьих, кого же это нам, русским, не отдавая себе в этом отчет, удалось ассимилировать? Уже названных Жириновского, Немцова и Жванецкого? Едва ли. А может, Березовского? Но кому из «гоев» вопреки «еврейскому закону» он сделал подарок? Дал три миллиона Елене Боннэр, но разве она выписалась из евреев? С кем из русских наперекор Талмуду ел за одним столом хотя бы и щуку? Разве что с одним Александром Прохановым. Этого достаточно? Неужели вы не помните, дорогой Израэль, как Березовский громогласно заявил в Думе: «У каждого еврея два сердца. Одно принадлежит стра-

не, где он живет, второе — Израилю!» Тут, в России, мы искали его сердце и не нашли. Поищите в Израиле.

Или мы ассимилировали Чубайса? Да ведь он не только не спасает гибнущего «гоя», но сознательно, обдуманно убивает его. Может, мы ассимилировали Швыдкого или Сванидзе, Познера или Шустера? Не обстоит ли дело несколько иначе: может, «традиционные евреи» ассимилировали сперва Горбачева, а потом и Ельцина с Путиным (о Медведеве и речи нет)? По-моему, это гораздо правдоподобней.

* * *

Интересным дополнением к рассмотренной статье И. Шамира, провозгласившей ассимиляцию русскими евреев, явилась его же статья «Пароход современности» в газете «День литературы» №73. Суть ее такова. Александр Павлов (кто это, я не знаю, а в статье не объясняется) выступил где-то (видимо, в том же «Дне литературы», но и об этом не сказано) с резкой критикой Иосифа Бродского и его поэзии: по заимствованному выражению, «решил спихнуть поэта с парохода современности». Поводом послужило чье-то намерение поставить в Ленинграде памятник покойнику.

Вообще-то говоря, к поэзии Бродского, естественно, относятся по-разному. Так, ленинградский поэт Олег Бородкин признается:

Мне Бродский совершенно не противен,
Я Бродского читаю и читал.

А вспомним статьи о нем столь разных писателей, как Василий Аксенов и Эдуард Лимонов, которые оба созерцали его в Америке. Первый писал в «Литературной газете», что Бродский — «вполне середняковский писатель, которому повезло оказаться, как говорят американцы, «в нужное время в нужном месте». В краю не столь отдаленном (имеется в виду высылка на несколько месяцев из Ленинграда в Архангельскую

деревню по хрущевскому постановлению о «тунеядцах». — В.Б.) он приобрел ореол одинокого романтика и наследника великой плеяды. В дальнейшем этот человек с удивительной для романтика расторопностью укрепляет и распространяет этот миф. Происходит это в результате почти электронного расчета других нужных времен и мест, верной комбинации знакомств и дружб. Возникает коллектив, многие члены которого даже не догадываются о том, чем они являются, однако считают своей обязанностью поддерживать миф нашего романтика... Редко кто, взявшись за чтение монотонного опуса, нафаршированного именами древних богов, дочитывает его до конца. Со свеженькой темой о бренности бытия наша мифическая посредственность бодро поднимается, будто по намеченным заранее зарубкам, от одной премии к другой и наконец к высшему «лауреатству»... К Нобелевской премии в 1987 году».

Лимонов в статье «Поэт-бухгалтер», написанной тоже еще при жизни Бродского и озаглавленной так вовсе не потому, что мать поэта работала бухгалтером, утверждал: «Как и Солженицын, Бродский — еще одна Большая Берта русской литературы... Его стихотворения все больше напоминают каталоги вещей... Почти все они написаны по одному методу: недвижимый философствующий автор обозревает вокруг себя панораму вещей... Метод сравнения употребляется им бесчисленное количество раз. Назвал предмет — и сравнил, назвал — и сравнил. Несколько страниц сравнений — и стихотворение готово...

Поэт малоподвижен. Ему не хватает темперамента. Во всех стихах его автор-герой пребывает в состоянии меланхолии. Никогда — в состоянии восторга. Взрывов у него нет. Человек он невеселый. Классицист. Бюрократ в поэзии. Бухгалтер поэзии, он подсчитает и впишет в смету все балки, костыли, пилястры, колонны и гвозди мира. Перышки ястреба...

В устах почти рафинированного интеллигента, man of letters, каковым Бродский хочет быть (и, очевидно, на 75% является), ругательства, попытки ввести выражения низшего штиля типа «ставил раком» звучат пошло и вульгарно.

Бог, которого Бродский так часто поминает, не дал ему дара любовной лирики, он груб, когда пытается быть интимным.

Стихи Бродского предназначены для того, чтобы по ним защищали докторские диссертации конформисты.

Иосиф Александрович Бродский получит премию имени изобретателя динамита.

С сегодняшними русскими поэт, кажется, поладил. Но еще неизвестно, каким найдут Бродского сзади идущие поколения...»

А вот что, как недавно обнаружилось, думал о Бродском уж вовсе непохожий на упомянутых выше писателей наш выдающийся композитор Георгий Свиридов: «У Бродского нет совсем свежести. Все залапанное, затроганное чужими руками. Комиссионный магазин... «Качественные», но ношенные вещи. Ношеное белье, украшения с запахом чужой плоти, чужого тела, чужого пота. Нечистота во всем. Нет свежей женщины, свежего плода, яблока, свежей ягоды. Что-то нечистое, уже бывшее в употреблении — всегда! Нет никакой свежести в языке, и это даже не язык, а всегда жаргон — местечковый, околонуточный, дачный».

При всей разности процитированных авторов нельзя не видеть, как много в их суждениях общего. И уж это ли не гораздо более ранние попытки «сбросить с парохода современности»?

Может быть, и не зная эти статьи, Шамир, конечно же, спорит и с ними, в частности по вопросу идущего сзади поколения пишет: «Стихи Бродского остаются в золотом фонде русской поэзии... Где бы не легли его кости, наши дети будут повторять: «На Васильевский остров я приду умирать...»»

Но ведь известно, что не пришел, а умер в США, и кости его легли далековонько от России. Так что «почва и судьба» не подтвердили поэзию. И хотя бы уже только поэтому, думается, у наших детей несколько больше оснований повторять строки поэта, которые не разошлись с судьбой:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,

Все ж ближе к отчему пределу
И мне б хотелось почивать...

Или:

Я хотел бы
 жить и умереть
 в Париже,
если б не было земли такой —
 Москва.

В Москве, в Лубянском проезде и умер...
А Есенин?

В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь...

И повесился, да именно возле окна.
Наконец, Рубцов писал:

Я умру в крещенские морозы...

И умер 19 января, да, в те самые морозы.

И. Шамир пишет, что статья А. Павлова напомнила ему «злые окрики». В то же время, говорит, «доводы Павлова отменно слабы и рассыпаются, как карточный домик, от первого толчка». Посмотрим...

Автор избрал очень странный способ опровержения этих «слабых доводов». Вернее, он их и не опровергает, не доказывает, что они ошибочны или недобросовестны. Совсем напротив, признает, что Бродский действительно совершил те или иные неблагоприятные поступки, написал или сказал что-то предосудительное или сомнительное, но, говорит, ведь нечто подобное или даже что-то похуже было в жизни и других писателей, и каких!

Вот так да... До сих пор было принято считать, что если один человек совершил какое-то непотребство, а другой повторил его, то оба они заслуживают осуждения. Ничего подобного! — заявляет И.Шамир. Он из такого совпадения, повтора делает вывод о полной беспорочности обоих, добавляя при этом: «С поэтами нужно обращаться бережно и позволять им говорить и делать глупости». Ну, конечно, еще тот же Пушкин говаривал: «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Но ведь нельзя же, как иные авторы, понимать это буквально, тем более — злоупотреблять этим.

И вот мы читаем: «Критика смущает американское гражданство Бродского». И первый толчок Шамира по «карточному домику» таков: «Напомним забывчивому зоилу, что американский паспорт был и у блистательного Владимира Набокова». Мы ответим: ну и что? При чем здесь Набоков, хотя бы и блистательный? Он что, все, к чему прикасался, обращал в золото? Напомним забывчивому пиндару, что Набоков уехал из России, когда ему еще не было двадцати лет, и случилось это в жестокую пору Гражданской войны, установления новой власти, и юный поэт по своему княжескому роду и положению семьи в царское время мог ожидать некоторых досадных неприятностей от советской власти. И прожил он в США двадцать лет — как тут без паспорта? А Бродский уехал с израильской визой в США, когда ему шел уже четвертый десяток, в спокойное, мирное время. Ну, правда, до этого побыл он год или полтора в ссылке. Эка беда для русского писателя! Новикова матушка Екатерина заточила на четыре года в Шлиссельбургскую крепость; Радищева та же августейшая благодетельница упекла на семь лет в Сибирь, а вернувшись, уже при Александре Благословенном, опасаясь от нового царя новых милостей, писатель покончил с собой; Пушкину этот же Благословенный подарил пять лет ссылки в широком по-царски диапазоне от Кишинева и Одессы до Михайловского; а его братец послал Лермонтова под чеченские пули; Достоевский изведal страшную инсценировку смертной казни, а потом — четыре года каторги в Омском остроге да несколько

лет солдатчины; Короленко провел шесть лет в тюрьмах и на поселениях; Горький и в ссылке жил под негласным надзором, и в Петропавловской крепости посидел; Маяковский на всю жизнь запомнил 103-ю камеру в Бутырках... И ведь это далеко не полный перечень. Но никто из них не эмигрировал, не сбежал, не принял другое гражданство. Из советского времени достаточно вспомнить одного Пастернака, который за передачу в иностранное издательство романа «Доктор Живаго», ставшего знаменем антисоветчины, готов был нести любые кары, но умолял Хрущева об одном: не высылать его за границу. А тут годик-полтора то ли ссылки, то ли высылки, и тотчас вопль: «Дайте мне израильскую визу!» И с этой визой мимо любимой прародины — в США...

С другой стороны, в XX веке многие русские писатели побывали в Америке, но никто не попросил там гражданства. Даже Солженицын. Этот ограничился страстными призывами к американцам решительно вмешиваться в дела его родины, что они, к его удовольствию, и делали с большим увлечением и эффектом.

Всем русским писателям, побывавшим в Америке, многое там шибко не понравилось, они об этом написали и оставили потомкам для науки: Короленко — «Без языка», Горький — «Город желтого дьявола», Бунин — «Господин из Сан-Франциско», Есенин — «Железный Миргород», Маяковский — «Мое открытие Америки», Ильф и Петров — «Одноэтажная Америка»... И так вплоть до Григория Бакланова с его «Темпом вечной погони».

Есть у Бродского что поставить в этот ряд? Нет, он там жил и благоденствовал, витая между персонажами греко-римской мифологии. Правда, теперь вот еще Евгений Евтушенко, по квалификации газеты «МКбульвар», «поэт-солнце», сбежал от кошмара «возрождения России» в Оклахому (это вроде как российские Тетюши), построил там дом с трубой, приобрел две машины с мигалками (одна машина экономно работает на дровах) и завел козу. В свободное от добывания дров и от ухода за козой время (ведь приходится и доить самому, Маше с четырьмя детьми некогда) продолжает сочинять стихи:

Пусть мы продажные, пусть мы бездарные,
Но все равно — мы легендарные!

Еще бы! Начать жизнь в Москве, прославленной им как столица мира, и в возрасте старше короля Лира оказаться в степной Оклахоме...

Однако послушаем странную речь-опровержение дальше: «Бродский призывал бороться с советской оккупацией Афганистана? Но это же делал Солженицын, тоже живший тогда в Штатах». Во-первых, это была никакая не оккупация, а военная помощь дружественному правительству соседней страны по его настойчивой просьбе. Оккупанты не строят школы, больницы, дороги, как строила наша 58-я армия. Оккупанты отхватывают чужую территорию. А что отхватили мы? Если вы, любезный Шамир, забыли, что такое настоящая оккупация, то можем напомнить: США оттяпали половину Мексики; гитлеровская Германия пыталась захватить землю вашей первой родины и два-три года удерживала некоторые районы, грабила их, вывозила даже чернозем, истребляла население; ваша вторая родина захватила палестинские территории, Иерусалим, и из-за этого уже много лет не переставая льется поток арабской и еврейской крови. А вот и свежайший примерчик: США, Англия и Польша оккупировали Ирак и тоже грабят его.

Кстати, о Польше: неужели там никто не помнит, чем обернулось для поляков участие вместе с Гитлером в растерзании Чехословакии, за что Черчилль назвал их страну гиеной?

Ну, а Солженицын делал не только «это» — вопил об оккупации Афганистана, а еще много чего делал. Восхвалял генерала Власова, глумился над Зоей Космодемьянской, мечтал, чтобы Трумэн бросил на нас атомную бомбу, клеветал на Красную Армию, врал о том, как он воевал, верстами сочинял деревянные стихи, приводившие Твардовского в ужас и, может быть, сократившие его век, и т.д. И с этим поэтом «нужно обращаться бережно»? И ему «нужно позволить говорить и де-

лать глупости», пахнувшие кровью? И этой фигурой вы хотите заслонить от критики своего кумира?

Дальше: «Бродский отрекся от славного звания «русского интеллигента»? Но еще резче выражался Печерин!» Помним, помним этого любителя выражаться:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И ожидать ее уничтоженья.

Только этим и памятен. Если вам непонятно, как эти строки звучат для русского уха, то, может быть, поймете более близкий вам вариант:

Как сладостно Израиль ненавидеть
И ожидать его уничтоженья.

Ведь так примерно считают иные палестинцы, которых за это израильтяне преследуют?

«Бродский жил в эмиграции? Но в этом он следовал по стопам Бунина, Цветаевой, десятка других поэтов». О, тут вы найдете общий язык с товарищем Путиным. Его ассимилированное сердце радуется отток из России умов и талантов. Он даже гордится этим: значит, говорит, они конкурентоспособны на мировом рынке. Ура! И уже воспитано целое поколение, думающее так же. Скажи любому из них, что его жена пошла по рукам, он обрадуется: «Значит, ее сексуальность конкурентоспособна. Ура!»

Но тут приходится повторить: названные писатели покинули родину в тяжелое, смутное время, когда казалось, что все рухнет, а Бродский — в тишайшую эпоху Брежнева, когда уже и разлюбезного вашего Кафку давно издали, и на Жванецкого никто не смел покуситься.

Кроме того, следовало бы вам знать, сколь многие — кто через десять лет, кто через двадцать — вернулись на родину: Горький, Алексей Толстой, Куприн, та же Цветаева, Сергей Прокофьев, Коненков, Нефедов-Эрзя... И это во времена,

когда страной правил тиран тиранов! Уже в нынешнее время благоуханной демократии вернулись и Солженицын, и Зиновьев, и даже известный сербохорват Войнович... А Бродский прожил в США двадцать пять лет до самой смерти и только в стихах лишь обещал вернуться на родину умирать. И не сдержал слова.

«Бродский снисходительно отзывался об итальянских фашистах? Но их любили и д'Анунцио, и Маринетти, и русские футуристы!» Да какое нам до них до всех дело! Можете и себя записать в их компанию. Можете еще назвать многих, например, генерала Петра Краснова. Ведь тоже писатель! Этот не только любил фашистов, в том числе персонально самого Гитлера, но и воевал вместе с ними против своей родины. А что касается русских футуристов, то когда Маринетти еще до революции припожаловал в Россию, то их вождь Маяковский не пожелал встретиться с ним. Это ж додуматься надо — записать Маяковского в почитатели фашистов...

«Бродский сказал: «Я лучше поеду в Польшу, чем в Россию». Но сказал же его славный собрат «Прощай, немытая Россия!» — и мы ему простили». Кто простил? Я лично никогда не прощал этот гнусный стишок его автору, и всегда был уверен, что это не Лермонтов, хотя бы потому, что он не только никуда из России не уезжал, но и за «хребтом Кавказа» никогда не был. В обстоятельной работе «Странная судьба одного стихотворения» я доказал полную недоказанность авторства Лермонтова. Желаящие могут прочитать эту работу в журналах «Слово» №10'89 или «Кубань» №10'89 и №5 и 9'90 (полный текст).

«Павлов ищет и находит неприятные для нашего уха фразы у Бродского. Но «Я люблю смотреть, как умирают дети», — приятная фраза?» Тут уж окончательно выплывает вся суть защиты: автор считает, что если большой поэт сказал мерзость, то это не мерзость, и ее можно спокойно повторять вслед за ним. Не понимает, вернее, не смеет понять, что мерзость остается мерзостью независимо от того, кто ее творец.

И вот таким образом надергав из множества авторов «аналогий», сделав из них нужные выжимки и приложив к Бродскому, Шамир посчитал, что дело сделано, облик его кумира сияет во всей красе. И в довершение тяжкого труда заявил, как помним, что стихи Бродского «остаются в золотом фонде русской поэзии». Ох, уж этот золотой фонд, кого только в него не сажали... И дальше автор конкретно называет одно из бродских сокровищ этого фонда: «Ода на смерть маршала Жукова» — вершина русской патриотической поэзии». Не рядовое сокровище, а вершина!..

Однажды генерал В.И. Варенников подарил мне на день рождения прекрасно изданную книгу «Георгий Жуков. Фото-летопись». Издатели нашли в ней место и для трех стихотворцев, все — из одного гнезда: Иосиф Бродский, Григорий Поженян, Галина Шергова. И все трое — об одном: о жестокости Жукова. Первый в своей «Оде» восклицал:

Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую!

О защите отечества сказал как о бессмысленном жестоким кровопролитии. Лихой патриот! И какая великая новость: оказывается, не враг проливал кровь защитников родины, а маршал Жуков. Собственноручно. Какой крутой вираж нового мышления!

Затем Бродский, почесав в затылке, спросил: «Что ж, горевал?» Тут как тут с ответом Поженян: «Он солдат не жалел...» Спасительная аналогия на сей раз сама идет в руки Шамиру, он может сказать: «Да, Бродский так писал. Но то же самое писал и Поженян о Жукове».

Так ведь и у нас аналогии есть, в том числе среди самых уважаемых и чтимых в народе полководцев, — от Суворова и Кутузова до Фрунзе и Рокоссовского... Тоже «пролили крови солдатской» немало. А нет ли у Бродского стихов «На смерть генерала Моше Даяна»? Не подсчитывал, сколько тот пролил крови в войне с Египтом? Странно, если нет. И почему сказа-

но о «чужой земле»? Что, Жуков был захватчиком чужих земель? Увы, ему пришлось воевать в основном на родной земле, очищая ее от оккупантов.

Но слушайте дальше:

Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними?

То есть с погибшими солдатами. Стихотворец уверен, что и защитники родины и маршал попадут именно в «адскую область», чертям в лапы. Это за что же? За то, что спасли Россию? За что же еще! Ну, если уж советских воинов и Жукова — в ад, то Гитлера и его мародеров — в рай. А как иначе!

Но стихотворцу и этого мало, он продолжает:

Маршал! Поглотит алчная Лета
Эти слова и твои прахоря...

Нобелевский лауреат решил блеснуть блатным словечком, столь неуместным в его стихах вообще, о чем справедливо писал Лимонов, а уж в «Оде на смерть» — тем паче, однако нобелеат не знает, что надо писать «прОхаря»(сапоги). Но какова идентификация! Сам автор это нечто весьма высокое — «слово», а маршал — вульгарные «прохаря» и ничего больше.

И после всего этого нам говорят, что «христианнейшим духом осенена поэзия русского поэта Бродского». После этого внушают: «В поэзии нет «своих» и «чужих». Дескать, все ассимилированные... С луны свалился, что ли?